

Кошляков Валерий

2.02.05

Над русской деревней стусилось прекрасное

«Облако» Валерия Кошлякова в ГТГ

Коммерсантъ — 2005 — 2 февр. — с. 22

биеннале инсталляция

В рамках Московской биеннале современного искусства в Третьяковской галерее на Крымском валу экспонируется инсталляция Валерия Кошлякова «Облако» (Il Nuvola). Выставка организована совместно парижской галереей Orel Art и римским музеем современного искусства MACRO; последний недавно показывал эту инсталляцию у себя. **Комментирует СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.**

Инсталляция занимает почти полностью небольшой полутемный зал. На полу — что-то вроде испанского макета ландшафта из бесчисленных картонных листов, в беспорядке наложенных друг на друга. По ландшафту широко разбросаны частоколы, телеграфные столбики, даже какие-то бараки и лачуги; все миниатюрное, все точно так же грубовато-картонное и, как целое, разительно напоминает вид среднерусской сельской местности с самолета, причем именно зимой, когда этот самый вид производит впечатление особой скудости.

И над этим — светлая плоскость рваных очертаний. Види-

мо, то самое облако. На него проецируются неспешные и нерезкие кадры, при терпеливом рассматривании оказывающиеся причудливой последовательностью классических архитектурных vedut: Герайон в Пестуме, скажем, потом главное здание МГУ, потом проект «Ньютоновского кенотафа» Леду, но четко ухватить что-либо сложно, потому что все эти нечеткие образы, видимо, были наклеены на что-то довольно беспорядочным коллажем, а камера вдобавок во время съемки по этому коллажу тоже шарила хоть и неспешно, но беспорядочно. Самое удивительное, что на это наложен еще и неожиданный саундтрек, хрипловатый, будто слышимый через телефонную трубку на очень большой громкости: итальянская опера, то Доницетти, то Пуччини, а то и вовсе песня «Полушко-поле».

В «Облаке» требуется некоторое время спокойного и неторопливого рассматривания, и только тогда в этом коллаже обнаруживается обстоятельное высказывание автора. Это странное, но удивительным образом подкупающее, как-то располагающее видение собственной роли в искусстве. С одной стороны,

художник оперирует совершенно платоническими категориями прекрасного («великого», как он предпочитает выражаться) как чего-то припоминаемого, дальнего, едва ли не горного или занебесного (а что, не занебесным ли кажется Эрехтейон при виде этих заснеженных картонных лачуг?). Его «великое» вроде бы провоцирует желание и поиск, при том что опять же желать это потустороннее великое, одновременно мысленно помещая себя в изображенный в макете пейзаж, является занятием довольно проблематичным. Но оно появляется по каким-то мистическим законам: в качестве беглого видения промелькнувшим облаком.

Сознательно это было устроено или нет, но «Облако» выглядит каким-то итогом, несколько искусственно завершающим большую выставку «Сообщники». Пройдя через этот пестрый справочник по новейшим отечественным движениям и оказываясь в зале с инсталляцией Валерия Кошлякова, упираться именно в романтизм поисков «великого», в это облако — как ни странно, до сих пор нависающее над русским искусством.